
Свое место
Союз
писателей Hype-Romance

Союз писателей Hype-Romance

Свое место

«Автор»
2026

Hype-Romance С.

Свое место / С. Hype-Romance — «Автор», 2026

Виктория Соловьёва, мастер маникюра с ипотекой и характером ежа, уверена: счастье — это когда тебя никто не трогает. У неё есть салон, старенькая «Хонда», квартира на пятом этаже и твёрдое правило — не подпускать людей ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Всё меняется, когда во двор въезжает чёрный джип, а в её жизнь — Михаил Ковалёв, прораб с руками грузчика и лексиконом человека, выросшего в общежитии. Он занимает её парковочное место, сверлит стены по ночам, покупает ей сковородку на день рождения и совершенно не понимает слова «нет». Вика строит стены. Михалыч не видит намёков. Между ними — тонкая стена, общая площадка и всё то, о чём люди молчат, когда говорят «всё нормально». Мелодрама с комедией положений, грубыми шутками и неудобной правдой о том, что любовь — это не когда тебе уступают место, а когда тебя не спрашивают, нужно ли тебе помогать.

© Hype-Romance С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Глава 1. Парковка 6
Глава 2. Лифт 11
Глава 3. Салон 16
Глава 4. Ночной стук 20
Глава 5. Ремонт 25
Глава 6. Разговор на кухне 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Союз писателей Hype-Romance
Свое место

Часть первая. Глава 1. Парковка

Вика объехала квартал дважды.

Первый раз — спокойно, с надеждой. Второй — уже с раздражением, сжимая руль так, что костяшки побелели. Третий раз она не поехала — просто остановилась у бордюра, включила аварийку и уставилась на двор, как на вражескую территорию.

Двор был забит. Не просто забит — забит с той особой московской изобретательностью, когда люди паркуются не по правилам, а по интуиции. Серебристая «Лада» стояла поперёк двух мест, задом на тротуаре. Между ней и мусорными контейнерами кто-то втиснул «Форд» — так плотно, что непонятно было, как водитель выходил. Дальше — ряд «Тойот», «Хендаев», старый «Москвич» без колёс, накрытый брезентом, и ещё один джип, чёрный, блестящий, с наклейкой на заднем стекле: «За рулём как дома».

Вика посмотрела на часы. Половина восьмого. Она ехала с работы сорок минут — через пробку на МКАДе, через вечные ремонты, через перекрёсток, где кто-то не поделил полосу. Сорок минут. И всё для того, чтобы приехать домой и обнаружить, что приткнуться некуда.

— Ну давай, — сказала она вслух. — Ну давай, ну.

«Давай» относилось к свободному месту — единственному, которое она видела. Оно было узким, между «Ладой» и бетонным столбом, но «Хонда» у Вики была старенькая, она привыкла вписываться в любые щели. Она включила поворотник — для порядка, для собственного успокоения — и начала заходить.

Фары выхватили из темноты чёрный джип. Он вырулил из-за угла дома резко, с рёвом, как будто торопился на пожар. Вика нажала на тормоз. Джип встал ровно на то место, куда она целилась — красиво, одним движением, без единого лишнего сантиметра.

— Ты серьёзно? — прошептала Вика.

Дверь джипа открылась. Из неё выбрался мужчина — широкий, в клетчатой куртке поверх серого свитера, в рабочих штанах с карманами на коленях. Он похлопал машину по капоту, как коня, и сказал ей что-то — тихо, себе под нос, но с явным удовольствием.

Вика опустила стекло.

— Извините.

Мужчина обернулся. У него были тёмные брови, сросшиеся на переносице, щетина — не бритая дня три, не меньше — и лицо человека, который только что выиграл спор. Он посмотрел на неё сверху вниз, потом на её машину, потом снова на неё.

— Чего? — спросил он.

— Я на это место пять минут ехала. Поворотник включила.

— И чё?

— И то. Вы не видели, что я уже заходила?

Мужчина посмотрел на «Хонду» — старенькую, серую, с царапиной на бампере. Потом на её лицо. Потом снова на машину.

— Видел, — сказал он. — Только ты заходила криво. Я бы всё равно не вписался.

— Я бы вписалась.

— Ну так впишись сейчас. — Он кивнул на место, занятое его джипом. — Ой, подожди. Занято.

Вика закрыла глаза. Мысленно досчитала до пяти. Потом открыла.

— Вы всегда такой?

— Какой?

— Придурок.

Мужчина моргнул. Потом ухмыльнулся — широко, почти весело, как будто она сказала что-то приятное.

— Я Михалыч, — представился он. — Из шестнадцатой. Сосед твой, если ты в пятнадцатой.

— Я в пятнадцатой.

— Ну вот. Соседи. — Он развёл руками. — Значит, будем дружить.

— Не будем.

Вика подняла стекло. Медленно, с достоинством, хотя внутри всё кипело. Михалыч постоял ещё секунду, потом пошёл к подъезду, на ходу доставая телефон из кармана куртки.

Она припарковалась у мусорных контейнеров, задом, в три приёма, под вой сигнализации чьей-то «Тойоты». Когда вышла из машины, во дворе уже никого не было. Только ветер гонял по асфальту обёртку от чипсов, и где-то на пятом этаже горел свет.

Вика взяла сумку с продуктами — молоко, яйца, замороженная курица, батон, сыр и шоколадка, которую она купила, чтобы хоть как-то скрасить вечер, — и пошла к подъезду. Кодовый замок сработал со второго раза. В подъезде пахло сыростью и чужим ужином.

Лифт, конечно, не работал. Вика нажала на кнопку, услышала вялое гудение и поняла, что это не ремонт, а просто лифт. Просто лифт в её доме, который ломался каждый месяц, и все давно привыкли.

— Отлично, — сказала она.

Пять этажей. Не так уж много. Но с сумками, после рабочего дня, когда ноги гудят от стояния над клиентками, — это было издевательство.

На третьем этаже она услышала голоса. Мужской — громкий, с матерком. Женский — визгливый, но с ноткой кокетства.

— ...да я тебе говорю, он нормальный мужик! — говорила женщина. — Ты просто придираешься!

— Тёть Люд, — отвечал мужской голос. — Я не придираюсь. Я просто говорю, что если унитаз течёт, то его надо чинить, а не заматывать скотчем.

— Так ты и почини!

— Я и починил. В прошлый раз. А вы опять скотчем замотали.

Вика прошла мимо, не поднимая глаз. На площадке третьего этажа стояла полная женщина в халате и бигудях, а рядом с ней — тот самый Михалыч, с сумкой инструментов. Он был без куртки, в одной футболке, и на рукаве у него было пятно от краски.

Женщина проводила Вику взглядом. Громким шёпотом спросила:

— Это кто?

— Соседка. Из пятнадцатой.

— А-а. Нормальная?

Михалыч посмотрел на Вику. Она делала вид, что не замечает.

— Не знаю, — сказал он. — Злая.

Вика сжала зубы и пошла дальше.

Квартира встретила её тишиной и запахом вчерашнего супа. Она сбросила куртку, поставила сумки на пол в коридоре, включила свет на кухне. Чайник щёлкнул, вода закипела. Вика налила кипяток в кружку, бросила пакетик, села на табуретку и уставилась на стену.

Стена была тонкая. За ней кто-то включил телевизор — громко, на всю. Потом загремела посуда. Потом зазвонил телефон, и мужской голос сказал:

— Да, блин, я же сказал — в пятницу. В пятницу, Михалыч, ты чё, не слышишь?

Вика застонала. Сосед. Тот самый.

Она сделала глоток. Чай был слишком горячим, она обожгла язык и выругалась. Потом поставила кружку и уставилась на стену.

«Может, переехать?» — подумала она. Потом вспомнила про ипотеку. Про салон, где она работала пять лет, где у неё была своя клиентура, свои инструменты, свой кабинет с окном.

Про мать, которая жила в Подмосковье и звонила раз в неделю — «как дела, доча?», — и Вика каждый раз говорила «нормально», потому что правда была слишком длинной.

«Не переедешь», — сказала она себе.

Телефон пиликнул. Сообщение от Ленки, администратора салона: «Завтра в 10 первая запись. Клиентка новая. Капризная. Не опаздывай».

Вика набрала: «Не опоздаю».

Ленка ответила смайликом с сердечком. Вика вздохнула и пошла стелить постель.

За стеной всё ещё гремели. Потом затихли. Потом снова включился телевизор — уже тише, приглушённо, как будто сосед наконец вспомнил, что он не один в этом доме.

Вика лежала в темноте, смотрела в потолок и думала о том, что завтра надо встать в семь, чтобы успеть на работу. И что новая клиентка — это всегда лотерея. И что сосед — придурок.

Она уснула в половине двенадцатого.

Ночью ей снилось, что она паркуется. Бесконечный двор, бесконечные машины, и только одно свободное место — прямо у подъезда. Она заходит, заходит, заходит. А потом из-за угла выруливает чёрный джип.

Она проснулась в шесть утра с ощущением, что её обманули.

Утром во дворе было пусто. Джип Михалыча стоял на своём месте — ровно, красиво, с наклейкой на заднем стекле. Вика прошла мимо, стараясь не смотреть. Но всё равно посмотрела — краем глаза. На лобовом стекле джипа лежал коврик для приборной панели — ворсистый, с надписью «Хозяин». Вика фыркнула и пошла к своей машине.

В салоне пахло лаком и кофе. Ленка уже крутилась у ресепшена, поправляя кипу журналов и одновременно крася губы.

— Ты чё такая? — спросила она, взглянув на Вику.

— Сосед новый. Козёл.

— Все козлы, — согласилась Ленка. — Клиентка пришла. В третьем кабинете. Зовут Кристина. Она уже дважды спрашивала, будет ли мастер с «нормальным вкусом».

Вика натянула халат.

— И что ты сказала?

— Что у нас все с нормальным. — Ленка пожала плечами. — Не переживай, она просто принцесса. Принцессы платят как все.

Кристина оказалась девушкой лет двадцати пяти, с нарощенными ресницами, волосами цвета карамели и выражением лица, будто она только что съела что-то кислое. Она сидела в кресле, положив сумочку на колени, и разглядывала кабинет с таким видом, будто проверяла его на соответствие санитарным нормам.

— Здравствуйте, — сказала Вика. — Садитесь, пожалуйста.

Кристина села. Положила сумочку на колени, потом передумала и поставила на столик. Потом снова взяла.

— Мне нужен был другой мастер, — сказала она. — Но ваш администратор сказала, что вы свободны. У вас опыт большой?

— Пять лет.

— Пять лет — это не так уж много.

Вика улыбнулась. Вежливо, одними губами.

— Достаточно, чтобы вы остались довольны.

Она взяла пилку. Кристина выдохнула и уставилась в телефон. Минуты две прошли в тишине.

— У вас музыка есть? — спросила Кристина. — Просто я привыкла, чтобы играло что-нибудь.

— Сейчас включу.

Вика дотянулась до колонки, включила радио. Заиграл какой-то бодрый попс. Кристина кивнула и снова уткнулась в экран.

— А вы замужем? — спросила она, не поднимая глаз.

— Нет.

— А почему?

Вика чуть не сломала пилку. Она остановилась, посмотрела на Кристину — та продолжала листать что-то в телефоне, как будто спросила о погоде.

— Не встретила никого, — сказала Вика ровно.

— Ну да, — Кристина хмыкнула. — Сейчас нормальных мужиков нет. Вот у меня был парень, Михалыч. Он, правда, прораб, но вообще нормальный. Мы с ним три года жили. Потом разошлись.

Вика замерла. Пилочка застыла в воздухе.

— Михалыч? — переспросила она.

— Ага. Михаил. Ковалёв. Вы его знаете?

Вика открыла рот. Потом закрыла.

— Нет, — сказала она. — Не знаю.

— Ну и хорошо, — Кристина вздохнула. — Он мудак, если честно. Я поэтому и ушла.

Вика медленно опустила пилку и взяла кусачки. Внутри что-то щёлкнуло — злорадно, мелочно, но щёлкнуло.

— Расскажите, — сказала она. — Если хотите.

Кристина захотела.

Она рассказывала, как Михалыч забывал про годовщину — не потому, что не помнил, а потому, что «считал это ерундой». Как называл её «малая» при друзьях, и все смеялись, а она стояла и не знала, куда деть руки. Как однажды купил ей сковородку на день рождения — чугунную, тяжёлую, с деревянной ручкой — и сказал: «Тебе же надо готовить». Как она расплакалась, а он не понял, почему, и весь вечер ходил обиженный.

— Он не плохой, — говорила Кристина, глядя в сторону. — Он просто... как трактор. Прёт и не смотрит, что там за забором.

Вика кивала. Руки работали автоматически — пилка, кусачки, пилочка, щёточка. Голова была занята другим.

«Трактор», — думала она. — «Купил сковородку. Господи».

Кристина ушла в час дня — с ноготками цвета «пьяный вишня» и полной головой историй про Михалыча. Вика проводила её до двери, вернулась в кабинет и села.

Ленка заглянула в дверь.

— Ну как?

— Нормально.

— Она мне сказала, что ты «странная».

Вика подняла глаза.

— Что?

— Не «странная». Она сказала «нормальная, но странная». Это комплимент, я считаю.

Вика вздохнула и начала убирать инструменты.

Вечером она вышла из салона в половине восьмого. Улица была холодная, мокрая после дождя. Вика шла к машине и думала о сковородке.

«Купил сковородку», — думала она. — «На день рождения. И не понял, почему она плачет».

Она села в машину, включила печку и минуту сидела, глядя на двор. Джип Михалыча стоял на своём месте. Свет в его окнах горел.

Вика завела двигатель и поехала домой.

Дальше: вечер. Лифт.

Глава 2. Лифт

Лифт сломался в половине восьмого.

Вика узнала об этом, потому что нажала на кнопку «вызов» и услышала в ответ только вялое гудение. Потом гудение прекратилось. Потом лампочка над дверью мигнула и погасла, и в подъезде стало тихо — так тихо, что слышно было, как наверху кто-то роняет ложку.

— Отлично, — сказала она.

Сумки с продуктами оттягивали руки. В одной — молоко, яйца, замороженная курица. В другой — батон, сыр, шоколадка. Она стояла в подъезде, в тусклом свете лампочки, и смотрела на лифтовые двери, как на врага.

— Ремонт, — сказал голос сзади.

Вика обернулась.

Михалыч стоял на лестнице — в том же комбинезоне, что и утром, с ключами в руке и с пятном на рукаве, которое было уже не свежим. Он кивнул на лифт.

— До пятницы. В объявлении написано.

— Я не видела объявление.

— Висело. Сорвали, наверное.

Он спустился на пару ступенек. Вика отступила.

— Я пешком, — сказала она.

— Я тоже.

— Отлично. Идите первым.

— Да иди ты первая. Я не тороплюсь.

Она хотела сказать что-то колкое, но сумка дёрнулась, и молоко внутри булькнуло. Вика вздохнула и пошла.

Пять этажей. Не так уж много. Но с сумками, после рабочего дня, когда ноги гудят от стояния над клиентками, — это было издевательство.

Михалыч шёл следом. Не близко, но и не далеко — на пол-лестницы отставал. На втором этаже он сказал:

— Ты чё, всегда такая?

— Какая?

— Злая.

Вика остановилась. Обернулась.

— Я не злая. Я занятая.

— Ага. — Он кивнул. — Это одно и то же.

Она хотела ответить, но передумала. Пошла дальше.

На третьем этаже он снова заговорил:

— Кристина приходила.

Вика замерла. Потом медленно повернулась.

— Что?

— Кристина. Бывшая моя. Она сказала, что была в салоне. У тебя.

— И что?

— И то. Она сказала, что ты нормальная. — Он усмехнулся. — Врёт, наверное.

Вика переложила сумку из одной руки в другую.

— Она много чего сказала.

— Например?

— Например, что вы купили ей сковородку на день рождения.

Михалыч замолчал. На секунду его лицо стало растерянным — по-настоящему, без ухмылки. Потом он моргнул, и выражение вернулось.

— Она тебе это рассказала?

— Она много чего рассказала.

— Ну да, — он вздохнул. — Кристина любит рассказывать.

Они дошли до пятого этажа. Вика поставила сумки на пол, чтобы достать ключи. Михалыч стоял рядом, не уходил.

— Слушай, — сказал он. — Я не идеальный. Я знаю. Но я не мудак.

Вика вставила ключ в замок.

— Я вас не знаю, — сказала она. — И не хочу знать.

— А чё так?

Она обернулась.

— Потому что вы заняли моё место. Потому что вы сверлите стены по ночам. Потому что вы орёте в телефон так, что слышно через две квартиры. Мне этого достаточно.

Михалыч моргнул. Потом кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Справедливо.

И пошёл к своей двери — через площадку, наискосок. Ключи у него брякнули дважды, прежде чем он попал в замок.

Вика зашла в квартиру, бросила сумки в коридоре и прислонилась к стене. Сердце стучало — не от подъёма, а от чего-то другого. От злости, наверное. Или от чего-то похожего.

За стеной снова загремело. Потом затихло.

Она пошла на кухню, достала курицу, начала готовить. Вода закипела, пар поднялся к потолку. Вика стояла над кастрюлей и думала о сковородке.

«Купил сковородку», — думала она. — «На день рождения. И не понял, почему она плачет».

Она усмехнулась. Потом перестала.

Курица варилась. Вика нарезала лук, и глаза защипало — от лука, не от чего-то другого. Она добавила лавровый лист, посолила, накрыла крышкой. Потом села на табуретку и стала смотреть, как закипает вода.

В дверь постучали. Тихо, два раза.

Вика подняла голову. Посмотрела на дверь. Постучали снова — уже громче.

Она вытерла руки о полотенце и пошла открывать.

На пороге стоял Михалыч. В руке он держал пакет.

— Чего? — спросила Вика.

— Это тебе. — Он протянул пакет.

Вика посмотрела на пакет. Потом на него.

— Что это?

— Молоко. У тебя, я слышал, булькнуло. Когда ты сумку перекладывала. Наверное, разбилось.

Вика открыла рот.

— Вы... — она запнулась. — Вы слышали, как у меня булькнуло молоко?

— Ну да. Стекло же. Звенит.

Она взяла пакет. Внутри было молоко — в пластиковой бутылке, не в стекле. Дешёвое, из «Пятёрочки» через дорогу.

— Я не просила.

— Я знаю. — Он пожал плечами. — Но ты стояла с двумя сумками. И злая была. Я подумал — вдруг у тебя там всё разбилось.

Вика смотрела на него. На его лицо — простое, с щетиной, с морщинками у глаз. На его руки — с порезом на указательном пальце, с засохшим цементом под ногтем.

— Спасибо, — сказала она. И тут же добавила: — Но это ничего не меняет.

— Ага, — кивнул он. — Ничего.

Он повернулся и пошёл к себе. Вика стояла в дверях, держа пакет с молоком.

— Михалыч, — сказала она.

Он обернулся.

— Что?

— Почему вы это делаете?

— Что?

— Ну вот это. Молоко. Сковородка. Кран.

Он почесал затылок.

— Не знаю, — сказал он. — Мне так проще.

— Проще что?

— Жить. — Он пожал плечами. — Если я вижу, что человеку хреново, я что-то делаю. Если не делаю — я потом думаю об этом. А мне не нравится думать.

Вика усмехнулась. Не хотела, но усмехнулась.

— Странная логика.

— Нормальная, — сказал он. — Просто ты привыкла, что все думают сначала о себе.

Он ушёл. Дверь за ним закрылась — тихо, без стука.

Вика вернулась на кухню. Поставила пакет с молоком на стол. Посмотрела на него.

«Мне не нравится думать», — повторила она про себя. — «Господи, что за человек».

Она достала из сумки разбитое молоко — стеклянная бутылка треснула, но не потекла, просто трещина по горлышку. Вика вылила его в раковину, помыла бутылку и поставила в мусорку. Потом открыла новую, пластиковую, и налила себе стакан.

Молоко было холодное. Вика выпила его стоя, у окна, глядя на двор. Джип Михалыча стоял на месте. Свет в его окнах горел.

«Трактор», — подумала она. — «Прёт и не смотрит, что там за забором».

Она помыла стакан, поставила в сушку и пошла спать.

На следующий день лифт всё ещё не работал. Вика спускалась пешком, с рюкзаком на плече, и на третьем этаже услышала голоса.

Михалыч стоял у почтовых ящиков с той самой женщиной в халате и бигудях. Они разговаривали громко, как будто находились в разных концах коридора.

— ...да я тебе говорю, он нормальный мужик, — говорила женщина. — Ты просто придираешься.

— Тёть Люд, — вздыхал Михалыч. — Я не придираюсь. Я просто говорю, что если унитаз течёт, то его надо чинить, а не заматывать скотчем.

— Так ты и почини!

— Я и починил. В прошлый раз. А вы опять скотчем замотали.

Вика прошла мимо, стараясь не смотреть. Женщина проводила её взглядом.

— Это кто? — спросила она громким шёпотом.

— Соседка. Из пятнадцатой.

— А-а. Нормальная?

— Не знаю, — сказал Михалыч. — Злая.

Вика сжала зубы и вышла на улицу.

Утро было холодное. Она села в машину, включила печку и минуту сидела, глядя на двор. Джип Михалыча стоял на своём месте — и на этот раз рядом с ним было свободное.

Вика прищурилась. Потом вышла из машины.

— Эй! — крикнула она в сторону подъезда.

Михалыч как раз выходил. С сумкой с инструментами.

— Чего?

— Место. Свободное.

— Ну да. Я же не всегда на нём стою.

— А вчера?

— А вчера я приехал раньше. Кто первый встал, того и тапки.

Вика скрестила руки.

— Это парковка. Не тапки.

— Слушай, — Михалыч подошёл ближе. — Я тебе место уступлю. Но не потому, что ты права. А потому, что мне лень с тобой ругаться.

— Мне не нужно, чтобы вы уступали.

— А чё тебе нужно?

Вика открыла рот. Закрыла.

«Что мне нужно?» — подумала она. — «Чтобы ты исчез. Чтобы всё было как раньше. Чтобы никто не занимал моё место, не сверлил стены, не покупал сковородки».

— Ничего, — сказала она вслух. — Забудьте.

Она села в машину и уехала. В зеркало заднего вида было видно, как Михалыч стоит и смотрит ей вслед.

В салоне пахло кофе и лаком. Ленка крутилась у ресепшена с телефоном в руке.

— У нас ЧП, — сказала она, как только Вика вошла.

— Что случилось?

— Кристина звонила. Отменила запись. Сказала, что ей не понравилось.

Вика замерла.

— Что именно не понравилось?

— Не сказала. Просто «не понравилось». И ещё сказала, что мастер — «странная».

Ленка посмотрела на Вику с любопытством.

— Ты что ей сделала?

— Ничего. Пилила ногти.

— А она?

— Рассказывала про бывшего.

Ленка прыснула.

— И всё?

— И всё.

— Ну, значит, не судьба. — Ленка пожала плечами. — У нас через час следующая. Ты как?

— Нормально.

Вика прошла в свой кабинет, села на стул и уставилась на стену. «Странная», значит. Ну спасибо.

К обеду пришла постоянная клиентка — Марина, бухгалтер, которая ходила к Вике третий год. Она всегда записывалась на одно и то же время, всегда приносила с собой кофе в бумажном стаканчике и всегда начинала с одного и того же вопроса.

— Привет. Как дела?

— Нормально.

— Ага. — Марина хмыкнула. — У тебя лицо как у человека, которому нужно выговориться.

Вика вздохнула.

— Новый сосед.

— О-о. — Марина вытянула руку, чтобы Вика начала. — Рассказывай.

И Вика рассказала. Про парковку, про лифт, про молоко, про сковородку. Марина слушала, не перебивая, только иногда кивала.

— Ну, — сказала она, когда Вика закончила. — Мужик как мужик. Они все такие.

— Не все.

— Все, — уверенно сказала Марина. — Мой вон тоже подарил мне на годовщину набор кастрюль. Сказал, что «практично».

Вика усмехнулась.

— И что ты?

— Сказала спасибо. А потом купила себе кольцо.

Они обе засмеялись. Вика почувствовала, как отпускает.

— Ладно, — сказала Марина. — Давай пилить. У меня через час совещание, надо быть красивой.

Вика взяла пилку.

Вечером, когда она шла к машине, во дворе было тихо. Джип Михалыча стоял на месте. Свет в его окнах горел.

Вика прошла мимо, стараясь не смотреть. Но всё равно посмотрела — краем глаза.

В окне мелькнула фигура. Потом занавеска дёрнулась.

«Следит», — подумала Вика. И сама не поняла, почему от этой мысли стало не противно, а как-то странно.

Она села в машину и поехала домой.

Дальше: ночной стук. Сверление.

Глава 3. Салон

Утро началось с Ленкиного вопля.

Вика услышала его ещё из коридора — пронзительный, с ноткой театрального ужаса. Она толкнула дверь и увидела администратора стоящей посреди салона с телефоном в руке и лицом человека, который только что узнал, что все клиенты отменились на год вперёд.

— Что? — спросила Вика.

— Кристина, — выдохнула Ленка. — Она звонила. В семь утра. Сказала, что ей не понравилось.

Вика сняла куртку и повесила на крючок.

— Что именно не понравилось?

— Не сказала. Просто «не понравилось». — Ленка подняла глаза от телефона. — И ещё сказала, что мастер — «странная».

Вика замерла с чашкой в руке.

— Странная?

— Ну, может, она имела в виду «необычная». В хорошем смысле.

— Ленка.

— Что? Я пытаюсь найти позитив.

Вика налила себе кофе из кофемашины — той самой, которую они купили в складчину год назад, и которая иногда работала. Сегодня она работала. Это было единственной хорошей новостью за утро.

— Она отменила запись?

— Ага. И ещё сказала, что придёт в пятницу. На коррекцию.

Вика села на стойку.

— Она хочет прийти снова? К «странному» мастеру?

— Вот и я удивилась, — сказала Ленка. — Может, у неё просто настроение такое. Принцессы они такие. Сегодня «странная», завтра «лучшая подруга».

Вика отпила кофе. Он был горячий и горький, как и полагается.

— Ладно, — сказала она. — Пятница так пятница.

Она прошла в свой кабинет, включила лампу, разложила инструменты. Руки делали привычное — пилки, кусачки, щёточки, кремы, — а голова была занята другим.

«Странная», — думала она. — «Ну спасибо. Я тебе про сковородку рассказала, а ты мне — «странная»».

Она села на стул и посмотрела в окно. Двор был пустой. Джип Михалыча стоял на месте — она видела его краем глаза, потому что окно кабинета выходило как раз на ту сторону.

«Трактор», — подумала она. — «Прёт и не смотрит».

К обеду пришла Марина.

Она всегда приходила вовремя — ровно в двенадцать, с бумажным стаканчиком в руке и с выражением лица человека, который уже переделал половину дел и теперь заслужил передышку. Марина работала главным бухгалтером в строительной фирме, носила строгие костюмы и умела считать деньги так, что даже начальник боялся с ней спорить.

— Привет, — сказала она, усаживаясь. — Как дела?

— Нормально.

— Ага. — Марина хмыкнула. — У тебя лицо как у человека, которому нужно выговориться.

Вика вздохнула.

— Новый сосед.

— О-о. — Марина вытянула руку, чтобы Вика начала. — Рассказывай.

И Вика рассказала. Про парковку, про лифт, про молоко, про сковородку. Марина слушала, не перебивая, только иногда кивала.

— Ну, — сказала она, когда Вика закончила. — Мужик как мужик. Они все такие.

— Не все.

— Все, — уверенно сказала Марина. — Мой вон тоже подарил мне на годовщину набор кастрюль. Сказал, что «практично».

Вика усмехнулась.

— И что ты?

— Сказала спасибо. А потом купила себе кольцо.

Они обе засмеялись. Вика почувствовала, как отпускает.

— Ладно, — сказала Марина. — Давай пилить. У меня через час совещание, надо быть красивой.

Вика взяла пилку.

Она работала и думала о том, что Марина права. Мужики — они все такие. Сначала сковородки, потом кастрюли. Сначала «я не заметил», потом «ты слишком сложная». Вика знала это наизусть — по себе, по матери, по подругам, которые рассказывали ей свои истории, пока она пилила им ногти.

«Я не хочу так», — думала она, проводя пилкой по ногтю Марины. — «Я не хочу ждать, пока мне подарят кастрюлю».

— Ты чего задумалась? — спросила Марина.

— Ничего. Работаю.

Марина хмыкнула, но не стала допытываться.

После обеда пришла новая клиентка — девушка лет двадцати, с длинными волосами и с таким количеством колец на руках, что Вика не сразу поняла, как она собирается платить. Девушка села, положила руки на стол и сказала:

— Мне надо, чтобы было красиво. Но не слишком.

— Поняла, — сказала Вика.

Она работала молча. Девушка тоже молчала — смотрела в телефон, иногда вздыхала. Потом вдруг сказала:

— А вы знаете Михалыча?

Вика замерла.

— Какого Михалыча?

— Ну, из шестнадцатой. Прораб. Он с моим братом работает.

Вика медленно опустила пилку.

— Знаю, — сказала она. — Сосед.

— А-а, — девушка кивнула. — Он нормальный. Мой брат говорит, что он единственный, кто не пьёт на объекте. И не орёт на молодых.

Вика моргнула.

— Не орёт?

— Ну да. Брат говорит, что Михалыч, когда молодой приходит, сначала смотрит, как он работает. А потом уже говорит. Если нормально — молчит. Если нет — объясняет. Без мата.

Вика представила Михалыча, который «объясняет без мата». Не получилось.

— А вы почему спрашиваете? — спросила она.

— Да просто. — Девушка пожала плечами. — Брат сказал, что он в нашем доме живёт. Вот я и подумала — вдруг вы знаете.

Вика кивнула и вернулась к работе.

«Без мата», — думала она. — «Надо же».

Девушка ушла через час — с ноготками цвета «розовый нюд» и с чувством выполненного долга. Вика проводила её до двери, вернулась в кабинет и села.

Ленка заглянула в дверь.

— Ты чего такая?

— Ничего.

— Ты уже полчаса сидишь и смотришь в стену.

— Я думаю.

— О чём?

Вика посмотрела на неё.

— Лен, а ты знаешь Михалыча? Из шестнадцатой?

Ленка прищурилась.

— Это который джип чёрный?

— Ага.

— Знаю. Он к нам в салон ходил. Один раз. — Ленка зашла в кабинет и села на стул для клиентов. — Ему Кристина записала. Ну, та самая. Она тогда ещё с ним жила. Он пришёл, сел, сидел молча. Я ему говорю — что будем делать? А он говорит: «Ничего. Я жду». Я говорю — кого? А он — «Кристину. Она сказала, что через час освободится».

Вика замерла.

— И что?

— И ничего. Сидел час. Потом Кристина вышла, и они ушли. — Ленка пожала плечами. — Я тогда подумала — странный. Сидит, ждёт. Ни журнала, ни телефона. Просто сидит.

Вика представила Михалыча, сидящего в салоне красоты с журналом мод. Не получилось.

— А он... — она запнулась. — Он тебе понравился?

— Кто? Михалыч? — Ленка фыркнула. — Ну, не то чтобы. Но он не пижон. Это плюс.

Она ушла. Вика осталась сидеть.

Вечером, когда она шла к машине, во дворе было тихо. Джип Михалыча стоял на месте. Свет в его окнах горел.

Вика прошла мимо, стараясь не смотреть. Но всё равно посмотрела — краем глаза.

В окне мелькнула фигура. Потом занавеска дёрнулась.

«Следит», — подумала Вика. И сама не поняла, почему от этой мысли стало не противно, а как-то странно.

Она села в машину и поехала домой.

В пятницу Кристина пришла снова.

Она вошла в салон ровно в десять, с сумкой на плече и с выражением лица человека, который всю ночь репетировал разговор. Вика как раз заканчивала с предыдущей клиенткой — женщиной лет пятидесяти, которая попросила «что-нибудь строгое, но с изюминкой».

— Здравствуйте, — сказала Кристина.

— Здравствуйте, — сказала Вика. — Присаживайтесь. Я через пять минут.

Кристина села. Положила сумку на колени. Потом на столик. Потом снова на колени.

Вика закончила с клиенткой, проводила её до двери, вернулась.

— Итак, — сказала она. — Что будем делать?

— Коррекция, — сказала Кристина. — И ещё... — она запнулась. — Я хотела извиниться.

Вика подняла бровь.

— За что?

— За то, что отменила запись. И за то, что сказала, что вы странная.

— А вы говорили?

— Говорила. — Кристина вздохнула. — Я просто... я когда нервничаю, я говорю всякое. А я нервничала. Потому что вы — соседка Михалыча.

Вика села напротив.

— И что?

— И я подумала, что вы, наверное, знаете. Про нас. Про то, как мы расстались.

— Знаю. Вы рассказывали.

— Я не всё рассказала. — Кристина посмотрела в сторону. — Я сказала, что он мудак. Но это не так.

Вика молчала.

— Он не мудак, — сказала Кристина. — Он просто... не умеет. Понимаете? Он не умеет говорить «я тебя люблю». Он умеет чинить кран. И покупать сковородки. И сидеть в салоне красоты час, потому что ты сказала, что освободишься, а он не понял, что можно уйти и вернуться.

Вика смотрела на неё.

— Почему вы мне это рассказываете?

— Потому что я видела, как вы на него смотрите. — Кристина усмехнулась. — В тот день, когда я про него рассказывала. Вы слушали, но не так, как слушают про мудака. Вы слушали, как будто хотели понять.

Вика открыла рот. Закрыла.

— Я не...

— Не надо, — перебила Кристина. — Я не претендую. Я просто говорю. Он хороший. Просто с ним трудно.

Она замолчала.

— И ещё, — сказала она. — Я не хочу, чтобы вы думали, что я его ненавижу. Я не ненавижу. Я просто не смогла. А вы, может, сможете.

Вика взяла пилку.

— Давайте коррекцию, — сказала она.

Кристина кивнула и положила руки на стол.

Они работали молча. Вика думала о Михалыче, сидящем в салоне с журналом мод. О Михалыче, который не орёт на молодых. О Михалыче, который покупает молоко, потому что услышал, как булькнуло.

«Я не хочу», — думала она. — «Я не хочу, чтобы кто-то занимал моё место. Но, может, я не о том думаю».

Кристина ушла через час. На пороге она обернулась.

— Спасибо, — сказала она. — И извините. За «странную».

— Забудьте, — сказала Вика.

Когда она осталась одна, то села на стул и посмотрела в окно. Двор был пустой. Джип Михалыча стоял на месте.

«Хороший», — думала она. — «Просто с ним трудно».

Она усмехнулась.

«Со мной тоже трудно».

Дальше: ночной стук. Сверление.

Глава 4. Ночной стук

Сверлить начали в десять.

Вика лежала на диване с книгой, которую не читала — просто держала перед глазами, потому что так положено, когда отдыхаешь. Книга была старая, из тех, что покупают на распродажах за сто рублей, с пожелтевшими страницами и названием, которое ничего не значило. Вика не помнила, о чём она. Она открыла её на середине и уставилась в текст, но слова не складывались в предложения.

Стук вошёл в сознание сразу, как только начался: резкий, ритмичный, с паузами. Дрель. Настоящая, электрическая, с визгом на высоких оборотах.

Вика отложила книгу. Посмотрела на стену.

Стена была тонкая. Она всегда знала это, но по-настоящему поняла только сейчас, когда дрель вгрызалась в бетон с той стороны, как будто хотела пройти насквозь.

«Может, закончит», — подумала она.

Не закончил.

Вика встала. Надела тапки — старые, с вылезшим мехом, которые она носила только дома. Подошла к стене и постучала — три раза, ладонью.

Сверление прекратилось. На секунду.

Потом началось снова.

Она постояла ещё минуту, глядя на стену. Потом вышла в коридор, накинула куртку поверх домашних штанов и вышла на площадку.

Дверь Михалыча была приоткрыта. Внутри горел свет и играло радио — какая-то старая песня, из тех, что крутят на волнах «Ретро FM». Вика постучала. Громко, кулаком.

Дверь открылась.

Михалыч стоял в майке и спортивных штанах, с дрелью в руке. На лице — пыль. На руках — пыль. На майке — пятно от краски, которое было там, кажется, всегда.

— Чего? — спросил он.

— Вы сверлите. Десять вечера.

— И чё?

— И то. Люди спят.

— В десять вечера?

— Я сплю.

Михалыч посмотрел на неё. Потом на часы на руке — старые, с потёртым ремешком.

— Ладно, — сказал он. — Сейчас закончу.

— Вы уже полчаса сверлите.

— Пять минут осталось.

— Вы сказали «сейчас закончу» пять минут назад.

Михалыч вздохнул. Опустил дрель.

— Слушай. Мне надо повесить полку. Завтра придут из управляющей, будут проверять. Если полка не висит — штраф.

— Мне плевать на вашу полку.

— А мне плевать, что ты спишь, — сказал он. И тут же поднял руку. — Всё, молчу. Я закончу. Пять минут.

Вика стояла в дверях. Смотрела на него.

— Вы всегда так живёте? — спросила она.

— Как?

— Как будто вокруг никого нет.

Михалыч опустил дрель. Прислонил к стене. Потом вытер руки о штаны — не очень чисто, но жест был машинальный.

— Я живу один, — сказал он. — У меня нет никого, кому бы я мешал.

— А я?

— А ты — соседка. Ты не «никто».

Вика моргнула.

— Что это значит?

— Это значит, что я знаю, что ты за стеной. И я стараюсь. Просто... — он пожал плечами. — Забываюсь.

Они стояли молча. Радио в квартире играло что-то старое, из восьмидесятых. Вика узнала песню — мать когда-то слушала её на кухне, пока готовила.

— Ладно, — сказала она. — Пять минут.

— Пять минут.

Она повернулась и пошла к себе. В спину ей сказали:

— Спокойной ночи.

Она не ответила. Но дверь закрыла тихо.

Сверление возобновилось через две минуты.

Вика лежала на диване, смотрела в потолок и считала. Один. Два. Три. Четыре. Пять. На шестом она встала, надела тапки и вышла на площадку.

Дверь Михалыча была закрыта.

Вика постучала. Громко.

Дверь открылась.

— Ты чё? — спросил он. — Я же сказал — пять минут.

— Прошло две.

— Ну и?

— Вы сказали пять.

— Я сказал пять, а прошло две. Логика где?

Вика уставилась на него.

— Вы издеваетесь?

— Нет. Я сверлю.

Она закрыла глаза. Досчитала до пяти.

— Михалыч, — сказала она медленно, как будто говорила с ребёнком. — У меня завтра работа. Мне надо встать в семь. Я не могу спать, когда вы сверлите.

— А я не могу повесить полку, когда ты спишь. У меня завтра проверка.

— Повесьте днём.

— Днём я на работе.

— А вечером?

— Вечером я делаю ремонт.

— А когда вы спите?

— Когда получится.

Вика замолчала.

— Вы серьёзно? — спросила она. — Вы вообще не спите?

— Сплю. — Он пожал плечами. — Иногда.

Она смотрела на него. На его лицо — уставшее, с кругами под глазами. На его руки — с порезами, с мозолями, с засохшей шпаклёвкой под ногтями.

— У вас есть дрель? — спросила она.

— Есть.

— А перфоратор?

— Есть.

— А почему вы не можете сверлить тише?

Михалыч моргнул.

— В смысле?

— В смысле — вы можете сверлить тише? Есть же режим без удара. Или как это называется.

— Безударный. — Он почесал затылок. — Есть. Но с ним дольше.

— Насколько дольше?

— Ну... — он задумался. — Минут на десять.

— Десять минут.

— Ага.

Вика вздохнула.

— Хорошо. Сверлите тише. Я подожду десять минут.

Михалыч смотрел на неё. Потом ухмыльнулся.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Ты готова ждать десять минут, чтобы я сверлил тише?

— Я готова ждать десять минут, чтобы вы не сверлили громко. Это разные вещи.

Он усмехнулся. Потом кивнул.

— Ладно. Тише. Десять минут.

Вика пошла к себе. На пороге обернулась.

— И ещё.

— Чего?

— Радио. Сделайте тише.

— А чё не так?

— У вас играет «Ретро FM».

— И чё?

— И то. Я слышу каждое слово.

Михалыч посмотрел на неё. Потом на радио. Потом снова на неё.

— Это хорошая музыка, — сказал он.

— Это музыка для пенсионеров.

— Мне тридцать пять.

— Вот именно.

Он фыркнул. Но когда Вика закрыла дверь, радио стало тише.

Она легла обратно на диван. Сверление возобновилось — тише, глуше, без визга. Вика смотрела в потолок и слушала.

«Мне тридцать пять», — думала она. — «А ведёт себя как подросток».

Она закрыла глаза. Сверление было ритмичным — вверх-вниз, вверх-вниз, как метроном. Вика поймала себя на том, что дышит в такт.

Через десять минут стало тихо.

Вика открыла глаза. Прислушалась. За стеной загремели — негромко, аккуратно, как будто кто-то старался не шуметь. Потом затихло.

Она встала, подошла к стене и приложила ухо.

Тишина.

Вика вернулась на диван. Закрыла глаза. И уснула — быстро, без снов, как провалилась.

Утром она вышла из квартиры в семь. На площадке было пусто. Дверь Михалыча закрыта.

Вика спустилась по лестнице — лифт всё ещё не работал, — вышла на улицу и остановилась.

Джип Михалыча стоял на месте. А рядом с ним — свободное место.

Вика посмотрела на него. Потом на окна Михалыча. Потом снова на место.

«Кто первый встал, того и тапки», — вспомнила она.

Она села в машину и уехала.

В салоне было тихо. Ленка ещё не пришла. Вика открыла кабинет, включила свет и села за стол.

Телефон пиликнул. Сообщение от матери: «Как дела, доча?»

Вика набрала: «Нормально, мам. Работаю».

Мать ответила: «Хорошо. Не забывай есть».

Вика положила телефон на стол.

Она просидела так минут десять — просто смотрела в окно и думала. Потом встала, достала из сумки книгу — ту самую, с пожелтевшими страницами — и открыла на середине.

«Он сверлил тише», — думала она. — «Десять минут. Просто потому, что я попросила».

Она перевернула страницу.

«И радио сделал тише».

Ещё страницу.

«И молоко купил».

Вика закрыла книгу.

— Ладно, — сказала она вслух. — Хватит.

Она убрала книгу в сумку и пошла работать.

Вечером, когда она вернулась домой, на площадке пахло чем-то жареным. Вика остановилась, принюхалась.

Лук. И мясо.

Она посмотрела на дверь Михалыча. Из-под неё тянуло дымком — не пожар, а просто готовка. Кто-то жарил.

Вика достала ключи и открыла свою дверь.

Через полчаса в дверь постучали.

Она открыла. На пороге стоял Михалыч. В руке — тарелка.

— Чего? — спросила Вика.

— Это тебе. — Он протянул тарелку. На ней лежала котлета. Большая, домашняя, с румяной корочкой. И рядом — картошка, жареная, с луком.

Вика уставилась на тарелку.

— Что это?

— Котлета. Я жарил. Много получилось.

— Вы... — она подняла глаза. — Вы мне принесли котлету?

— Ну да. — Он пожал плечами. — Ты вчера сказала, что я как будто вокруг никого нет. Я подумал.

Вика смотрела на него.

— И что вы подумали?

— Что ты права. — Он кивнул на тарелку. — Вот. Это не сковородка. Это котлета. Разница есть.

Вика взяла тарелку. Руки чуть дрожали.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что. — Он повернулся. — Только тарелку верни.

— Верну.

Он ушёл. Вика стояла в дверях с тарелкой в руках.

За стеной снова включилось радио — тихо, приглушённо. Играло что-то старое, из восьмидесятых.

Вика прислушалась.

Потом закрыла дверь и пошла на кухню.

Она села за стол, взяла вилку и попробовала котлету. Она была вкусная — простая, домашняя, с чесноком и перцем. Вика ела и смотрела в стену.

«Трактор», — думала она. — «Прёт и не смотрит».

Она доела котлету. Помыла тарелку. Поставила в сушку.

Потом подошла к стене и постучала — два раза, ладонью.

За стеной затихли. Потом радио стало громче — на одно деление.

Вика усмехнулась.

Она легла на диван, взяла книгу и открыла на середине. На этот раз слова складывались в предложения.

Дальше: ремонт. Кран.

Глава 5. Ремонт

Кран сломался в субботу утром.

Вика проснулась от звука льющейся воды — ровного, шипящего, с брызгами. Сначала подумала, что это дождь. Потом вспомнила, что окна закрыты, а дождь в октябре — это не шипение, а стук.

Она села на диване. Прислушалась.

Вода лилась на кухне.

Вика встала, надела тапки и пошла. На кухне под раковиной была лужа. Вода капала из-под смесителя — быстро, настойчиво, с брызгами. За ночь она набралась в ведро, которое стояло там же, и теперь переливалась через край.

— Твою мать, — сказала Вика.

Она бросилась к вентилю. Тот не поддался. Она дёрнула сильнее — он провернулся, но вода не остановилась. Только стала литься быстрее.

— Твою мать, — повторила Вика.

Она схватила телефон. Управляющая компания открывалась в девять. Сейчас было семь двадцать. Сантехник из ЖЭКа — это отдельный жанр: он приходил «в течение недели», брал деньги за вызов и говорил, что «надо менять всё».

Вика открыла поиск. «Сантехник на дом Москва». Выскочило штук двадцать объявлений — все с улыбающимися мужиками в синих комбинезонах и ценами от пяти тысяч.

Она посмотрела на свой счёт в телефоне. Цифра была не вдохновляющей.

— Ладно, — сказала она вслух. — Ладно.

Она закрыла вентиль тряпкой — кое-как, чтобы вода текла в ведро, а не на пол. Потом села на табуретку и стала думать.

Сантехник — пять тысяч. Плюс работа. Плюс, наверное, замена смесителя. Плюс, наверное, «у вас тут всё старое, надо менять».

Вика вздохнула. За стеной загремело. Потом затихло.

Она посмотрела на стену.

«Нет», — сказала она себе. — «Нет-нет-нет».

Но вода капала. И ведро уже наполнялось.

Вика посидела ещё минуту. Потом встала, вышла на площадку и постучала.

Михалыч открыл через минуту. Он был в футболке и шортах, с чашкой кофе в руке. На ногах — носки, разные: один серый, другой синий.

— Чего? — спросил он. Потом увидел её лицо. — Что случилось?

— Кран. Течёт.

— И?

— И я не знаю, что делать.

Он посмотрел на неё. Долго. Потом поставил чашку на полку в прихожей.

— Пошли, — сказал он.

В квартире Вики он первым делом заглянул под раковину. Покрутил вентиль. Потом выпрямился.

— Прокладка. И смеситель старый. Надо менять.

— Сколько это стоит?

— Если мастер — тысяч пять. Если сам — рублей пятьсот.

Вика вздохнула.

— У меня нет пяти тысяч.

Михалыч посмотрел на неё. Потом на кран. Потом снова на неё.

— У меня есть запчасти. От прошлого ремонта остались. Могу сделать.

Вика замерла.

— Я не могу принять.

— Почему?

— Потому что... — она запнулась. — Потому что я вам не нравлюсь.

— Ты мне не нравишься, — согласился Михалыч. — Но кран-то тут при чём?

Она уставилась на него.

— Это шутка? — спросила она.

— Нет. Это кран. — Он кивнул на раковину. — Если его не починить, ты затопишь соседей снизу. А соседи снизу — это я, между прочим. У меня ремонт.

Вика усмехнулась. Не хотела, но усмехнулась.

— Ладно, — сказала она. — Но я заплачу.

— Заплатишь, — кивнул он. — Не деньгами.

— А чем?

— Кофе. И не спрашивай, почему.

Он пошёл к двери.

— Через час приду. С инструментами.

Он вернулся через сорок минут. С сумкой, в которой гремело железо, и с новой прокладкой в кармане.

— Проходите, — сказала Вика.

Он разулся у порога. Аккуратно поставил ботинки рядом с её кроссовками — носки, кстати, были уже другие: оба серые.

— Кухня там.

— Я знаю, где кухня. У меня такая же планировка.

Вика стояла в дверях, пока он возился под раковиной. Михалыч работал быстро, без лишних движений. Иногда что-то бормотал себе под нос — не слова, просто звуки.

— Вы давно ремонтом занимаетесь? — спросила она.

— Лет десять. Может, больше.

— И нравится?

Он высунулся из-под раковины.

— Ты сейчас серьёзно спрашиваешь?

— Ну да.

— Нравится, — сказал он. — Когда всё работает — нравится. Когда нет — не очень.

Он снова скрылся. Вика налила воды в чайник.

— Кофе будете?

— Буду.

Она достала две чашки. Потом подумала и достала печенье.

Через полчаса кран был готов. Михалыч вытер руки о тряпку и сел за стол.

— Всё, — сказал он. — Работает.

Вика открыла кран. Вода потекла ровно, без капель.

— Спасибо, — сказала она. — Сколько я вам должна?

— Нисколько. Я же сказал — кофе.

— Это несерьёзно.

— Серьёзно. — Он взял чашку. — Ты не представляешь, как редко люди просто так говорят «спасибо».

Вика села напротив.

— А обычно как?

— Обычно говорят «сколько?». Или «почему так дорого?».

Он отпил кофе. Вика смотрела на его руки — большие, в мелких порезах, с мозолями на пальцах.

— У вас руки как у рабочего, — сказала она. И тут же осеклась. — Извините. Это прозвучало...

— Как есть, — перебил он. — Я рабочий. И руки рабочие.

— Я не хотела сказать...

— Да нормально. — Он усмехнулся. — Мне нравится. Руки как руки. Не маникюрные.

Вика посмотрела на свои — с покрытием, с блеском.

— У меня маникюрные.

— Я заметил.

Они замолчали. За окном проехала машина, свет фар скользнул по стене.

— А почему вы живёте один? — спросила Вика.

Михалыч поставил чашку.

— А ты почему?

— Я спросила первой.

— Ну, — он пожал плечами. — Так вышло. Была Кристина. Ты знаешь. А больше никого.

— Почему?

— Потому что я, наверное, не очень удобный человек. — Он посмотрел на неё. — Я говорю то, что думаю. Не все это любят.

Вика кивнула.

— Я заметила.

— А ты?

— Что я?

— Ты почему одна?

Вика взяла чашку. Сделала глоток.

— Потому что я не хочу, чтобы кто-то занимал моё место.

Михалыч усмехнулся.

— Парковочное?

— И не только.

Он помолчал.

— Слушай, — сказал он. — Я тебе место уступать не буду. Из принципа. Но кран я тебе починил. Это считается?

Вика посмотрела на него. Потом на кран. Потом снова на него.

— Считается, — сказала она.

Он кивнул и допил кофе.

— Ладно. Пойду. У меня ещё стена недоделанная.

Он встал. Вика тоже.

— Михалыч, — сказала она.

Он обернулся.

— Что?

— Почему вы не взяли деньги?

— Потому что ты их не предлагала.

— Я предлагала.

— Ты предлагала после. А до — нет. — Он пожал плечами. — Я не беру деньги с тех, кто сначала просит помочь, а потом думает, сколько это стоит. Это не работа. Это помощь.

Вика смотрела на него.

— А какая разница?

— Большая. — Он открыл дверь. — Работа — это когда я прихожу, делаю и ухожу. А помощь — это когда я прихожу, делаю и остаюсь на кофе.

Он вышел. Дверь закрылась тихо.

Вика постояла в коридоре. Потом вернулась на кухню, села за стол и посмотрела на кран.

Вода больше не капала.

Она взяла чашку Михалыча — пустую, с коричневым ободком на дне — и помыла её. Поставила в сушку рядом со своей.

За стеной загремело. Потом затихло. Потом включилось радио — тихо, приглушённо.

Вика прислушалась. Играло что-то старое, из восьмидесятых.

Она усмехнулась.

Вечером она пошла в магазин. Купила молоко, хлеб, сыр и ещё одну шоколадку. На кассе вспомнила про кофе и взяла ещё банку — хорошего, не растворимого.

Дома она поставила банку на стол и посмотрела на неё.

«Зачем?» — подумала она. — «Он же не просил».

Она вздохнула и убрала банку в шкаф.

Ночью, когда она уже лежала на диване, за стеной затихло. Потом раздался тихий стук — два раза, ладонью.

Вика замерла.

Стук повторился.

Она встала, подошла к стене и постучала в ответ — два раза.

За стеной затихли. Потом радио стало тише — на одно деление.

Вика усмехнулась и вернулась на диван.

Дальше: разговор на кухне. Долг.

Глава 6. Разговор на кухне

Банка кофе простояла в шкафу три дня.

Вика видела её каждое утро — когда открывала шкаф, чтобы достать сахар или чай. Банка была красивая: тёмное стекло, медная крышка, надпись «Эфиопия» каким-то замысловатым шрифтом. Она стоила как три её обычных кофе, и Вика купила её импульсивно, в субботу, после того как Михалыч ушёл, а кран всё ещё не капал.

«Зачем?» — спрашивала она себя. — «Он же не просил».

Она не находила ответа. Просто банка стояла и смотрела на неё.

В понедельник вечером в дверь постучали. Вика открыла. На пороге стоял Михалыч с тарелкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.